

ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ И МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО РЕГИОНА

Статья посвящена изучению того, каким образом гражданские ценности воспроизводятся в социальном поведении и как модели социального поведения определяют вектор становления гражданственности в странах Евразийского региона. Автор придерживается подхода, согласно которому, социальное поведение и гражданственность обоюдно поддерживают и видоизменяют друг друга, детерминируя свои структуры в процессе жизнедеятельности акторов. Выделены характерные черты гражданственности в странах Евразийского региона. Определены особенности социального поведения, которые существуют в большей или меньшей степени во всех странах Евразийского региона.

Ключевые слова: гражданственность, гражданская идентичность, постсоветское пространство, Евразийский регион, макрорегион, социальное поведение, модель социального поведения.

В настоящее время структурный кризис затронул все институты, от общественных и национальных, до организации новой архитектуры международных отношений и конкуренции. На смену глобализационному процессу приходит процесс интеграции и регионализации. В результате формируется новая геополитическая структура, основанная на взаимодействии на уровне макрорегионов.

В странах постсоветского пространства существует объективная необходимость преодоления социокультурных «вызовов», среди которых одним из наиболее значимых является формирование гражданской идентичности, гражданских ценностей у населения. Задача, стоящая сегодня перед Евразийским проектом, состоит в том, чтобы на уровне макрорегиона осуществлять согласованную политику в различных сферах общественной жизни. В противном случае можно говорить о риске, связанном с разобщенностью Евразийского пространства, что может привести к изолированному функционированию фрагментарных управляющих геополитических акторов и альянсов [3, с. 41].

Повышенный интерес в научной литературе к данной проблематике можно объяснить, с одной стороны, политикой и практикой формирования в странах Евразийского пространства гражданского общества, с другой – поиском пути национального развития в условиях глобализации. В данной работе мы опираемся на положения конструктивного реализма, с позиций которого социальная реальность предстает как конструируемая. Согласно

данному подходу, социальное поведение и гражданственность обоюдно поддерживают и видоизменяют друг друга, детерминируя свои структуры в процессе жизнедеятельности акторов.

В современной научной литературе накоплен достаточно большой опыт теоретических и практических исследований социального поведения личности, влияния культуры на поведение человека, психологических мотивов действий и поступков, межкультурной коммуникации. В работах целого ряда ученых в области психологии, социологии, культурологи предпринимались попытки осмысления указанных проблем. Существуют различные дисциплинарные подходы к объяснению социального поведения, среди которых доминируют личностный, ситуационный, диспозиционный и культурный. Однако гражданственность и модели социального поведения в странах Евразийского регионального пространства ещё не были предметом специальных социологических исследований. Вместе с тем, в междисциплинарном научном пространстве сложилась парадигма изучения гражданственности и социального поведения, направленная на преодоление дисциплинарной ограниченности и методологической односторонности этих подходов [5, с.5].

Солидаризируясь с позицией ряда исследователей, которые рассматривают «гражданственность как сознательное и активное выполнение человеком своих гражданских обязанностей и гражданского долга, разумное использование своих гражданских прав и свобод» [10, с. 192], отметим несколько характерных черт гражданственности в странах Евразийского регионального пространства.

Прежде всего, стоит обратить внимание на гражданскую идентичность, как одну из форм проявления гражданственности. Отличительной особенностью гражданской идентичности в странах Евразийского регионального пространства, как свидетельствуют многочисленные социологические исследования, является то, что в качестве её основы выступает самоидентификация индивидов не с гражданским обществом и его либеральными ценностями, а с гражданской нацией, которая неразрывно связана с государством. Так, например, более четверти россиян (27% по данным мониторинга ИС РАН в 2015 г. и 28% по данным RLMS в 2013 г.) отмечали, что они ощущают сильную связь с гражданами России. Это практически такая же по уровню связь, как и со своей национальностью. Среди ощущающих связь с гражданами России больше тех, кто «хотел бы быть полезным государству и обществу» – 52% против 41% у людей, такой связи не ощущающих, и меньше среди тех, кто «хотел бы жить так, как самому хочется» [9, с. 184]. Также, исследователи отмечают, что «идентификационные стратегии в российском обществе на основании критерия права можно назвать нигилистскими, неопределенными, или нейтральными, и позитивными» [4, с.77].

Ещё один аспект, который необходимо отметить, это значение провозглашения независимости стран в становлении системы ценностей граждан. Так, в Белоруссии «формирование новой идентичности идет параллельно с отказом от восприятия России как единственно возможного интегрирующего центра в данном пространстве» [2, с. 25]. Идентичность белорусов отражается в массовом осознании идеи ценности независимости, что подтверждают результаты опроса в декабре 2009 года: «на вопрос о том, было ли провозглашение независимости благом для страны, положительно ответили 65,5 % опрошенных, неодобрительно – только каждый пятый» [6, с. 130].

Исходя из идеи о том, что гражданственность и социальное поведение обоюдно поддерживают и видоизменяют друг друга, представляется важным рассмотреть, каким образом гражданские ценности воспроизводятся в социальном поведении и как модели социального поведения определяют вектор становления гражданственности в странах Евразийского региона.

Можно выделить ряд особенностей социального поведения, которые существуют в большей или меньшей степени во всех странах Евразийского региона. Прежде всего, это необязательность соблюдения формальных норм, что создает предпосылки для оппортунистического поведения. Солидаризируясь с позицией Е.В. Попова и В.Л. Симоновой, отметим, что причиной такого поведения является асимметричная информация и неопределенность [7, с. 6].

Особенно высокая степень оппортунизма в странах постсоветского пространства была на первом этапе рыночных реформ. Причем неопределенность существовала не только на межличностном уровне, но и со стороны государства по отношению к гражданам. Это проявлялось в низкой эффективности государственной защиты граждан в экономической, политической, правовой и других сферах, что привело к возрастанию значения неформальных отношений.

Ш. И. Еникеев и Э.Р. Кашеварова относят к особенностям российского менталитета «недоверие к частной собственности, веру в изначальное равенство людей и патернализм (надежда на то, что государство разрешит все проблемы)» [1, с. 137]. Представляется, что эти установки также относятся и к другим странам постсоветского пространства и рождают соответствующие установки в моделях поведения.

Особенностью социального поведения в странах Евразийского региона также является стремление к общинности. Несмотря на происходящую европеизацию культуры, модель поведения, основанная на стремлении к общинности, по-прежнему преобладает, особенно на периферийных территориях. Так, например, в экономической сфере целенаправленное утверждение коллективистской психологии в рамках

построения социалистической экономики привело к замедленному развитию фермерства, так как сельчане пока еще воспринимают хозяина на земле как некую враждебную силу [7, с. 37].

Таким образом, гражданственность как базовую структуру социального поведения можно охарактеризовать такими чертами, как инициативность, субъектность, активная жизненная позиция, творческая направленность, свобода индивидуального выбора, стремление к раскрытию своего потенциала, а также критическое отношение к социальной действительности.

Говоря о моделях социального поведения, можно заключить, что в странах Евразийского регионального пространства прослеживаются очевидные сходства. К таким выводам можно прийти, фокусируя внимание на общих факторах формирования моделей поведения. К ним относятся политические изменения, реформы, изменение модели экономики, то есть, процессы и явления, происходящие во всех странах, независимо от региона и этнического состава жителей.

Однако, при более детальном рассмотрении, становится возможным выявить расхождения, если сместить акцент на традиционную культуру, традиционные формы хозяйственной деятельности и т.д. Это связано с тем, что у представителей отдельных этносов можно выделить культурные особенности, а у жителей стран, отличающихся многонациональным составом населения, это сделать затруднительно.

Перспективы в данном направлении исследований связаны с уточнением модальных и нормативных моделей поведения в странах Евразийского региона.

Литература

1. Еникеев Ш.И., Кашеварова Э.Р. Эволюция форм экономического поведения хозяйствующих субъектов: институциональный аспект // Актуальные проблемы экономики и права. 2009. № 4. С. 136-139.

2. Калита И.В. Современная Беларусь: языки и национальная идентичность. *Ústí nad Labem*, 2010. 300 с.

3. Ковалев А.А. Евразийская интеграция как пример современного интеграционного процесса в условиях нестабильности // Управленческое консультирование. 2017. № 6 (102). С. 40-46.

4. Конструирование общероссийской идентичности в контексте межэтнического и межрелигиозного взаимодействия / отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д., 2016. 244 с.

5. Лубский А.В. Междисциплинарные научные исследования: когнитивная «мода» или социальный «вызов» // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 3-11.

6. Мошес А. Россия и новая «промежуточная» Европа. // *Pro et contra*. Июль-октябрь 2010. С. 128-144.

7. Павлов К.В. Национальные особенности экономического поведения // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2006. № 4. С. 36-42.

8. Попов Е.В., Симонова В.Л. Сущность эндогенного оппортунизма // Вестник УГТУ-УПИ. 2004. № 10. С. 5-12.

9. Российское общество и вызовы времени. Кн. 2. / Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М., 2015. 446 с.

10. Толковый словарь обществоведческих терминов / Н.Е. Яценко. СПб., 1999. 528 с.